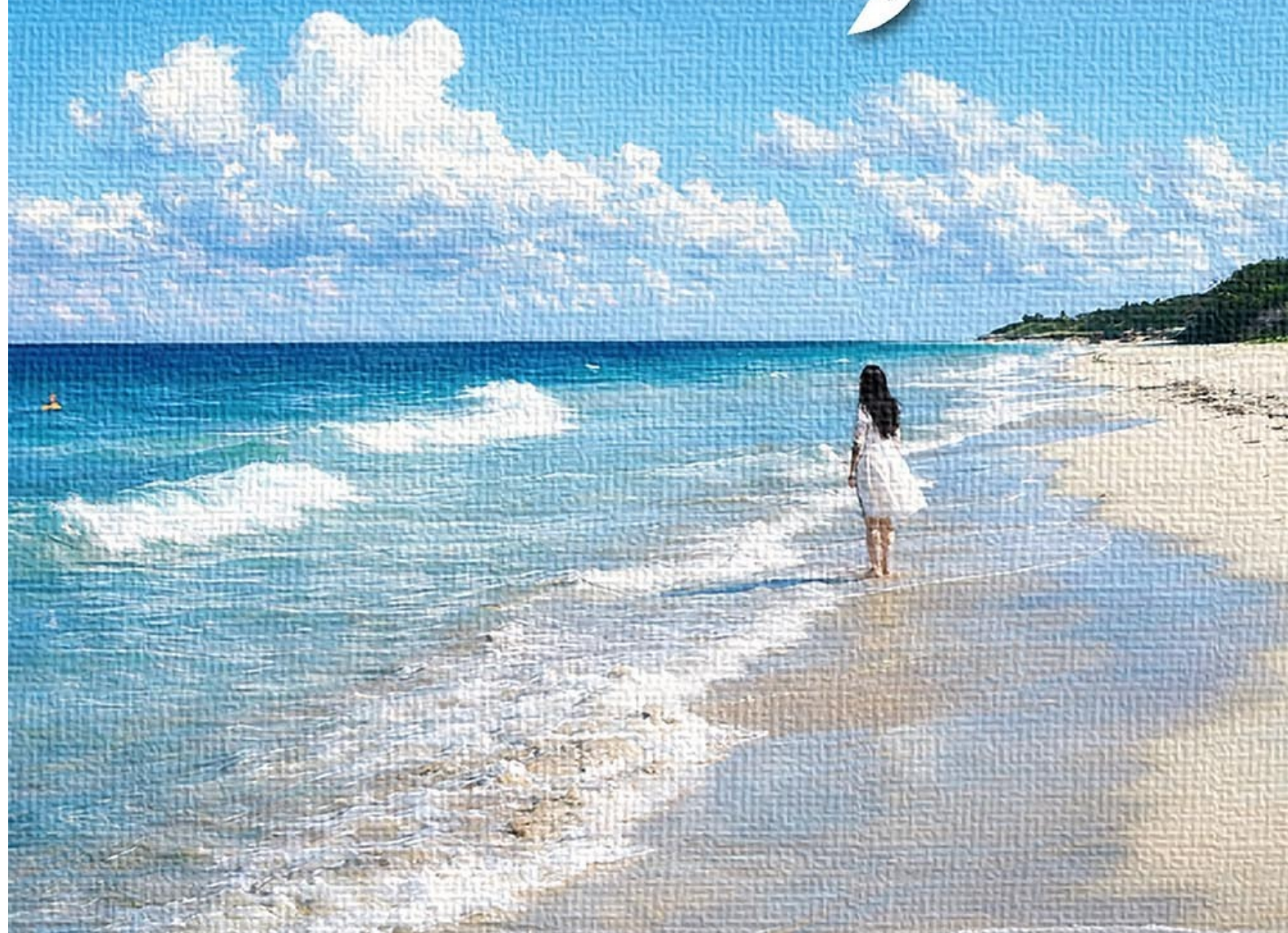

Яна Блистер

Блеск золотого моря

Яна Блистер

Блеск голубого моря

Издательство «Четыре»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Блистер Я.

Блеск голубого моря / Я. Блистер — Издательство «Четыре»,
2026

ISBN 978-5-908079-99-0

Одна случайная находка может изменить судьбу. Один шаг — открыть дверь в мир, где прошлое еще живо, а чудо прячется совсем рядом. Сборник «Блеск голубого моря» объединяет восемь произведений, полных загадок, внутреннего напряжения, красоты и движения. Это истории о людях, которые оказываются на границе привычного и неизведанного, где каждое решение имеет цену, а за каждой тайной может стоять новая жизнь. Книга увлечет тех, кто ценит атмосферу, интригу и яркое эмоциональное чтение.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-908079-99-0

© Блистер Я., 2026
© Издательство «Четыре», 2026

Содержание

О книге, в которой тайна, нежность и приключение дышат в одном ритме	6
Блеск голубого моря	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Яна Блистер
Блеск голубого моря

© Я. Блистер, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

О книге, в которой тайна, нежность и приключение дышат в одном ритме

Есть книги, которые открываются как дверь. Не на первую страницу, а сразу в состояние. Именно так устроен сборник «Блеск голубого моря». Вошел – и уже слышен прибой, уже мерцает где-то впереди линия чуда, уже обычная жизнь начинает чуть заметно светиться изнутри, словно в ней спрятан второй, потаенный слой.

Восемь произведений, собранных под этой обложкой, соединены не сюжетом, а редким ощущением мира. Здесь рядом живут море и космос, старинные замки и лаборатории будущего, тревога и влюбленность, опасность и детская вера в то, что за следующим поворотом может ждать не беда, а судьба. И потому книга читается как единое дыхание. В ней все время происходит самое важное: человек выходит за пределы привычного и обнаруживает, что сердце знает дорогу раньше рассудка.

Сильная сторона этой прозы в том, что она не стесняется быть увлекательной. Она любит поворот сюжета, любит тайну, любит яркий жест, любит красивую деталь. Но за внешней событийностью здесь есть и другое, более ценное. Почти в каждом тексте звучит тема внутреннего выбора. Куда идти, кому верить, что считать настоящим, ради чего рисковать, что спасает в минуту страха. Герои этой книги не картонные фигурки в декорациях приключения. Они уязвимы, живы, иногда растеряны, иногда смешны, иногда бесконечно трогательны. Именно поэтому за ними хочется идти.

Особенно притягивает авторская интонация. В ней нет холодной отстраненности. Есть щедрость, есть вкус к жизни, есть умение видеть красоту и в морской дали, и в случайном взгляде, и в странности, которая сперва пугает, а потом оказывается дорогой к открытию. Эта проза умеет быть разной: романтической, ироничной, фантазийной, светло-печальной. Но даже там, где над героями сгущается тень, в тексте не исчезает свет. Он остается в самом строе фразы, в любви к своим персонажам, в упрямой надежде, которая проходит через всю книгу.

Сборник «Блеск голубого моря» ценен еще и тем, что возвращает читателю почти утраченное удовольствие от чтения как путешествия. Не механического перелистывания страниц, а настоящего движения навстречу неизвестному. Эта книга для тех, кому важно не только узнать, чем все закончится, но и снова почувствовать, как сладко замирает душа перед чудом.

И, пожалуй, именно в этом ее главное достоинство. Она напоминает: мир гораздо шире повседневности. В нем всегда есть место тайне, любви, памяти, риску, доброте и тому сиянию, которое нельзя удержать в руках, но можно унести с собой. Как уносят после чтения соленый ветер на коже и долго не гаснущий блеск голубого моря.

Денис Ковалев, литературный редактор издательства «Четыре»

Блеск голубого моря

Глава 1

– Эта картина не стоит трех миллионов, – откинувшись на спинку кресла, сказала оценщица и посмотрела на Марту выразительным взглядом.

– Это хорошая картина, и выставить ее можно даже за четыре с половиной, – тоже откинувшись на спинку кресла, но для посетителей, ответила Марта.

Уже более двух часов разговор вертелся вокруг достоинств полотна. Марта не имела ни малейшего представления о его стоимости. Живопись в целом ей, конечно, нравилась, особенно Рембрандт, но вот определить стоимость на глаз... Однако девушка довольно быстро поняла, что картина стоит дорого, потому что эта суховатая оценщица-грымза выглядела явно заинтересованной. Было заметно, что картина ей нравилась, все упиралось лишь в стартовую цену.

Грымза выжидающе смотрела на клиентку.

Марта Ковальски, еще недавняя выпускница колледжа гостеприимства и гостиничного дела, получившая в подарок от доброй старушки, у которой все четыре года учебы снимала комнату в 1-м Фрунзенском переулке, пару старинных вещиц и эту замечательную картину, твердо вознамерилась с головой окунуться в океан возможностей гостиничного дела. Но для этого требовался стартовый капитал.

– Давайте попробуем, – после длительных перегибдов с оценщицей наконец произнесла она.

За эти два с половиной часа она ни на рубль не отступила от той цены, за которую собиралась продать картину.

Оценщица скривила недовольную мину и уже открыла рот что-то сказать, как вдруг в первой комнате, служившей прихожей, слабо звякнул колокольчик входной двери, и обе девушки невольно повернулись в ту сторону.

– Израэль Маркович! – Грымза энергично выпрыгнула из-за стола и направилась к пожилому господину, вошедшему во второй зал Аукционного дома, где среди стеллажей со старинными красивыми вещами даже воздух пах миллионами. – Израэль Маркович, какая неожиданность, вы так быстро вернулись... – затараторила тощая вобла (так прозвала ее про себя Марта) и скрылась вместе с гостем за дверью с табличкой «Служебное помещение».

– Это наш эксперт, – произнес средних лет щеголь.

Все это время он лениво переворачивал страницы каталога возле столика эпохи Людовика XIV. Его малиновый шейный платок, как у известного модника и кутюрье, ярким пятном бросился в глаза Марте, как только она вошла в офис.

– Артур – совладелец этого Аукционного дома, – именно так, с ударением на первую букву, представился щеголь.

Он подошел к девушке и пожал ей пальцы, слегка склонившись. «Какое счастье, что не стал лобызать», – подумалось ей.

– Марта Ковальски, – зачем-то вскочила она.

– Очень приятно, – сухо ответил мужчина, а затем, подойдя к картине и обхватив подбородок правой рукой, стал внимательно вглядываться в полотно.

Картина была довольно старая. А вот сюжет редкий, и Марте очень нравился. В пещере, заваленной разными драгоценными вещицами, милая гордая молодая леди, скрестив руки на груди, похоже, беседовала со старым изумрудно-золотым скептически настроенным драконом.

Это полотно нравилось девушке так сильно, что, принеся его на продажу, в глубине души она чувствовала себя предательницей.

Мадлена Рихторовна, сухонькая старушка, у которой Марта четыре года снимала комнатушку, говорила, что картина досталась ей почти даром. Родилась хозяйка комнаты в Ленинграде и внешне напоминала истинную петербурженку. Волосы ее всегда были уложены в туго закрученный пучок. Всегда скромно, но со вкусом одета, она даже дома носила брючные трикотажные костюмы, которые были ей к лицу. Строгая, спокойная, всегда сдержанная, и даже когда их залили «свежевъехавшие» соседи сверху, не позволила себе ни одного грубого слова, даже за глаза.

Марта часто помогала ей с уборкой (она сама напросилась и делала это всегда с радостью). В эти часы старая Графиня (так мысленно квартирантка окрестила свою хозяйку) сидела за столом в той комнате, где девушка прибирала, и, перебирая потрепанную колоду Таро, рассказывала ей истории из своей жизни. Марте нравилось слушать ее слегка скрипучий голос, и истории очень нравились. Со своим покойным мужем, военным атташе, Графиня посетила немало интересных мест и пережила много сложных, иногда опасных ситуаций. Конечно, никаких секретов или темных историй Мадлена Рихторовна девушке не рассказывала, но из всего услышанного Марта сделала вывод, что они тоже есть.

Квартира старой Графини могла бы стать самостоятельным музеем. Даже шикарный офис Аукционного дома, доверху забитый редкими вещами прошлых столетий, где даже на стенах были сплошные шедевры, не шел в сравнение со «скромным» жилищем Мадлены Рихторовны.

Картину, которую сейчас так внимательно изучал Артур, Графиня держала в кладовке, завесив старым персидским ковром, и, похоже, рада была от нее избавиться. Сейчас Марта смотрела на картину пустым взглядом — перед ее мысленным взором проносились события последних четырех лет: и то, как она обживалась с хозяйкой, и то, как они пили с ней кофе по утрам. Какая она все-таки славная старушенция, несмотря на свою строгость!

– Деньги любят, когда их меняют на соответствующие им вещи. Вы со мной согласны? – Реплика Артура вывела девушку из задумчивости.

– Возможно, – уклончиво ответила она, хватая за хвост последние слова собеседника. – Я немного задумалась. О чем речь?

– Очень вовремя, говорю, вернулся наш эксперт Израэль Маркович. Он ездил к внучке, которая собирается замуж. И выбор драгоценностей к свадьбе абы кому доверить нельзя, но, слава богу, климат Флориды нашему дорогому Израэлю не по нраву, так что, – привстав на мысках и перекатившись на пятки, Артур перевел взгляд на Марту, – вам, дорогая моя, повезло!

– Этот эпитет больше подходит данному полотну, – улыбнувшись лишь уголками губ, она подмигнула ему.

– Ну-у-у... вот это мы скоро и выясним.

Дверь служебного помещения открылась, эксперт степенно одернул полы пиджака и направился к картине. Следом за ним порхала Грымза, расспрашивая о ценах на камни во Флориде.

На ходу из кармана жилета Израэль достал наглазную лупу и подошел к полотну. Сушеная вобла замолчала, а Артур отошел в сторону. Похоже, у эксперта была своя манера осмотра экспонатов, к которой все уже привыкли. В комнате повисла тишина. Учитывая, что в офисе кроме них была только девушка-администратор, но она находилась за стеной, а двери между этой комнатой и приемной не было, на фоне мерного тиканья дюжины старинных часов стало отчетливо слышно, как она щелкает клавишами компьютера.

– Так как вы считаете, любят ли деньги, когда их меняют на хорошие вещи? – присев на край стола оценщицы, почти шепотом обратился Артур к Марте.

– Может быть. Но как определить, действительно ли они хорошие? – Она пожала плечами.

– Вот, например, замок в Крыму – это хорошая вещь? – продолжил он.

– Пф-ф-ф! Замок?! Развалины! – скорчила пренебрежительную гримасу Грымза.

– Не слушайте ее, – по-прежнему шепотом сказал Артур девушке. – Просто недвижимость в Крыму – это не ее профиль оценки.

Вобла недовольно пожала плечами и, подойдя ближе к картине, встала рядом с Израэлем.

– Замок, пусть и слегка разрушенный, по-моему, прекрасное вложение средств, – ответила Марта. – Можно, например, сделать из нее отличную гостиницу.

Глаза Артура округлились:

– Вы читаете мысли? Не-е-ет, правда! Минуту назад мне в голову пришла именно эта идея!

– Идея чудесная. Если вам понадобится управляющий, я готова, – сказала Марта, наблюдая, как эксперт, почти касаясь полотна носом, внимательно вглядывается через окуляр прямо в глаз нарисованному дракону.

– Алмазная крошка! – резко отстранившись от картины, на удивление твердым голосом изрек Израэль Маркович. – Несомненно, это алмазная крошка. Впервые такое встречаю, – сказал он, убирая лупу в карман жилета.

– Ну? И сколько? – поинтересовалась оценщица.

– Для начала можно пятнадцать, – уверенно сказал эксперт.

Грымза ахнула, Артур присвистнул. Марта просто разинула рот, и продавать такое сокровище ей тут же категорически расхотелось.

– Так! Лот снимается с продажи, – внезапно охрипшим от сдавившего комом горла голосом проговорила она.

Все присутствующие молча уставились на Марту. Первым из состояния шока вышел Артур:

– Идет! – сказал он. – Беру вас управляющим с условием, что это полотно будет висеть в главном зале замка. – И протянул руку для рукопожатия.

После того, как Марта заявила, что отзывает лот, ей самой слегка поплохело, аж голова закружилась, ведь она и предположить себе не могла, куда сейчас пойдет с картиной размером два сорок на три двадцать. Сюда, в Аукционный дом, она донесла ее еле-еле, благо жила в соседнем дворе и продажу картины считала хорошей идеей. Из комнаты Графини Марта съехала как раз утром, и в кармане уже был билет на поезд в Крым, где она собиралась наняться администратором в одну из гостиниц. А сейчас? Что ей делать сейчас?

– Идет, – схватила и пожала она руку Артура, сама не ожидая от себя такой прыти.

– Правда, зала как такового еще нет. – Тот пристально посмотрел на Марту, а ей показалось, что он смотрит ей прямо в сердце. – Так что за дело, компаньон!

– За дело! – Девушка широко улыбнулась.

Именно в это мгновение ей вдруг почудилось, что перед ней широко распахнулись двери в новый, по-настоящему сказочный мир. Неожиданная радость и предвкушение чего-то необычайно увлекательного ворвались в ее сердце разноцветным салютом.

Глава 2

Когда утро размыкало свой солнечный глаз сквозь розовое веко облаков, блестящий красный лимузин уже почти два часа пылил по щебенке вверх и вверх.

«Дракона» со своей собеседницей решено было оставить в офисе Аукционного дома.

– Пусть клиентов привлекает, – сказал Артур.

Сами же компаньоны решили не откладывать дела в долгий ящик и отправились в замок.

Еще до рассвета Артур, одетый в дорожный твидовый костюм, встретил Марту на Крымском вокзале. Налегке, с одним рюкзаком, еще сонная и немного взъерошенная девушка не сразу сообразила, что оказалась в роскошном лимузине. Артур сел на водительское место, разглядывая в серой предрассветной мгле очертания зданий, Марта (ее воображение рисовало загадочные замки повсюду) разместилась на сиденье рядом, поставив рюкзак в ноги. И лишь спустя полчаса, когда они вышли купить кофе, остолбенела от этой роскоши! Гладко выбритые щеки Артура зарумянились от удовольствия, когда он прочитал на лице девушки удивление и восторг. Он любил щегольнуть, но только если вызывал подлинное восхищение.

Артур Эдуардович Захарьев, записной красавец и щеголь, всегда был тонким ценителем прекрасного. С детства рос в окружении по-настоящему роскошных вещей: его мать работала экспертом в музее, и ее коньком была эпоха Возрождения. Она также имела богатый опыт реставрационного мастерства, с ходу отличала подделку. Маленький Арти обожал маму и постоянно приходил к ней на работу. Можно сказать, он вырос в обстановке короля Людовика XIV, потому что рабочий стол матери, за которым она составляла отчеты, стоял в хранилище в уголке эпохи Возрождения. Мать много рассказывала о картинах, об их истории, о мебели разных эпох и всяких безделушках тех времен. Иногда даже поручала сыну какую-нибудь мелкую работу, когда она, по ее словам, «лечила искусство». Профессию он получил такую же – реставратор. Начинал в хранилище музея. С возрастом дух подлинной старины впитался в кровь Артура, он каким-то шестым чувством определял ценность вещи, и Аукционный дом стал естественным воплощением его страсти, его детищем.

Израэль Маркович, второй совладелец, – прекрасный эксперт и историк от бога, благодаря своей проницательности не раз в трудные времена вытаскивавший Аукционный дом буквально из ямы, – был прекрасным дополнением этой «тиары». Они вдвоем, как двуглавый орел, являлись единым целым – душой Аукционного дома.

– Приехали. – Артур припарковал машину на пустыре возле дороги.

Старые кипарисы, пережившие ворота, определяли вход в некогда роскошный парк. Марта огляделась. Справа, вдалеке у скалы, она увидела узкие готические окна старой крепости, плотно прижавшейся к огромному утесу. А слева, с другой стороны дороги, через огромную, как два футбольных поля, площадку, поросшую коротким дерном, уже выжженным солнцем, и заканчивающуюся обрывом, блестело на солнце голубое море. Барашки пены на бирюзовых волнах играли в догонялки, искрили солнечными зайчиками – оторвать взгляд от этого простора было невозможно.

– Пошли! – крикнул Артур, обернувшись.

Девушка увидела, что он уже скрылся за кипарисами, и направилась следом. Это был геометрически правильно расположенный, но запущенный английский парк. Тут и там встречались тисы-переростки, четко угадывались дорожки, виднелись остатки постаментов для садовых скульптур.

Артур ждал ее возле полукруглых мраморных ступеней, ведущих к массивным резным дверям, кое-где сохранившим медные накладки. Даже сейчас можно было сказать, что двери очень красивые. Фасад замка представлял собой хорошо сохранившееся строение из серого камня, врезавшееся в утес и украшенное резьбой между этажами. Завершалось все это ост-

роконечной крышей-башенкой в готическом стиле. Не все прекрасные вытянутые окна сохранили стекла-витражи, но это казалось не важным, вид фасада был одновременно мрачен и прекрасен.

Справа и слева от основного здания имелись башни поменьше, тоже из серого камня и также выдававшиеся из утеса, оформленные в том же стиле и соединенные резными галереями до третьего этажа.

– Ого! Кажется, он в хорошем состоянии, – удивилась Марта.

Достав огромный кованый железный ключ, Артур подошел к двери. Ключ легко повернулся, словно хорошо смазанный механизм, было слышно, как гулко щелкают затворы замка.

– Он достался мне почти даром, – сказал Артур, наваливаясь на створку, чтобы сделать последний оборот ключом.

Двери открывались наружу. Отряхнув пиджак, мужчина потянул на себя тяжелую створку и жестом пригласил спутницу войти.

Марта шагнула внутрь и обомлела. Солнечные лучи, проникавшие сквозь многочисленные окна, услужливо освещали серые стены просторной залы. Взору открылись пустые «глазницы» боковых парадных лестниц, их не было, частично сохранилась резная балюстрада балкона второго яруса. Пол оказался завален кусками скульптур и обломками штукатурки. На долю секунды у Марты от тоски сжалось сердце, всего лишь на долю секунды она увидела залу совсем другой: стены, украшенные гобеленами с изображениями рыцарей и драконов; огромные деревянные лестницы; резные балясины второго яруса; плотные портьеры; огромная хрустальная люстра. От неожиданности она моргнула, и видение исчезло.

– Говорят, замок проклят, – входя следом за Мартой, произнес Артур.

Последнее слово гулко отозвалось эхом. Стало жутковато...

– Это нам на руку, – сказала девушка, внимательно посмотрев в лицо собеседнику и пытаясь понять, не шутит ли он. – А куда ведет дорога, по которой мы ехали? И будут ли гости?

– Эта дорога – на перевал. Гости будут, – ответил тот, доставая фонарик. – Пойдем оглядимся. Я люблю бродить тут. Идем, компаньон, кое-что покажу, – он улыбнулся и подмигнул ей.

Его глаза засветились мальчишеским восторгом. А девушка и сама вдруг ощутила мистический дух приключения, этот замок ей нравился.

– Лестницы закажем тисовые, – Артур махнул в сторону проемов. – Здесь есть другие. Идем!

Марта почувствовала себя ребенком, как в детстве, когда ездила в поселок к бабушке и вместе с соседскими мальчишками ходила исследовать «корабль» – давно проржавевшую старую баржу, находившуюся довольно далеко от моря. Как она туда попала, дети не знали, но это только добавляло азарта.

Весь день гости замка бродили по залам, ходили по галереям, поднимались по витым каменным лестницам на самый верх башен, забирались на чердак самой большой из них, но так и не решили, где будет основной зал, чтобы повесить «Дракона».

– Ого! Уже четыре! – воскликнул Артур.

– Я хочу есть, – прохныкала его спутница.

Они стояли на площадке второго яруса. Марта подошла к части сохранившейся балюстрады. Артур задумчиво потирал подбородок, стоя на краю площадки, в том месте, где должна была начинаться одна из тисовых лестниц.

– Я сейчас. Жди здесь! – вдруг крикнул он, скрываясь в арке галереи. Торопливые шаги по каменной лестнице отзывались эхом, а через минуту мужчина уже спешил к дверям залы. – У меня кое-что есть в машине! – добавил он Артур, выскакивая на улицу.

Только теперь Марта обратила внимание, что «нутро» замка выдолблено в скале, а фасад, башни и галереи сделаны из камня, взятого при строительстве внутренних помещений.

Было очень тихо. Девушка уселась на пол, скрестив ноги по-турецки.

– У-гу-гу! – крикнула она.

Эхо отозвалось в нескольких местах и совсем тихо где-то в глубине скалы. Еще там что-то щелкнуло. Марта вскочила на ноги и насторожилась. Снова стало совсем тихо. Даже показалось, что в этой тишине можно различить звуки морского прибоя. Никаких щелчков она больше не услышала и успокоилась. Ей стало скучно, и она направилась к лестнице галереи, по которой спускался Артур. Но не успела дойти до арки, как услышала стук входной двери. Это вернулся ее будущий компаньон, и через минуту он уже появился на лестнице с большой дорожной сумкой в руках.

Когда Артур раскрыл ее, Марта ахнула от изумления. В специальных кармашках виднелись надежно пристегнутые столовые приборы, посуда. Еще там нашлись скатерть, салфетки и, конечно же, разные деликатесы. Девушка взяла на себя роль хозяйки: расчистив небольшой участок пола от кусков штукатурки, расстелила скатерть, расставила приборы, сервировала блюда. На дне сумки обнаружилась бутылочка шардоне, на этикетке которого красовалось «1879 год». От удивления Марта присвистнула. Бокалы тоже нашлись в боковых кармашках. Артур, стоя у края площадки и перекачиваясь с пятки на мысок, по-хозяйски оглядывал владения. Похоже, он пребывал в отличном расположении духа.

Когда импровизированный стол был накрыт согласно этикету, Артур открыл вино и наполнил бокалы.

– За начало нашего совместного проекта! – объявил он и наклонил свой бокал к Марте.

– За начало начала! – коснувшись своим бокалом бокала компаньона, ответила Марта с улыбкой.

– За нас, – тихо произнес Артур и нежно погладил ее по щеке.

Глядя друг другу в глаза, они пригубили вино. Мужчина наклонился к девушке и уже почти коснулся ее губ своими губами, как вдруг где-то внутри замка, в той части, где помещения уходили далеко вглубь скалы, раздался сухой треск. Они оба замерли.

Марта чмокнула уголок губ Артура и весело рассмеялась.

– Ну, приключения начинаются! – сказала она и залпом осушила свой бокал. – Затем заглянула мужчине в глаза и, сплетая свои пальцы с его пальцами, тихо предложила: – Пойдем посмотрим...

Взявшись за руки, они осторожно пошли вглубь замка. Здесь же, на уровне балюстрады, в просторном холле, ближе к арке правой галереи, была резная деревянная дверь, мимо которой они сегодня проходили много раз. Каждый из них даже по несколько раз дернул ее за ручку, но так и не смог открыть, а сейчас она была приоткрыта... Компаньоны переглянулись. Марта осторожно надавила на створку, а Артур направил в проем фонарик. Было тихо.

Они заглянули туда и увидели просторное помещение, в конце которого имелась еще одна дверь, тоже приоткрытая. Артур осветил дверь, возле которой они стояли: в замке с внутренней стороны торчал ключ. Захарьев несколько раз повернул его в разные стороны. Замок работал исправно, а самое интересное – очень тихо. Вытащив ключ из скважины, Артур крепко зажал его в кулаке.

Когда будущие компаньоны двинулись дальше, девушка, крепко схватившись за локоть спутника, не отставала от него ни на шаг. У второй двери не было ключа, и за нею начиналась вырубленная в скале каменная лестница, уходившая далеко вниз. Артур осветил проход: на стенах виднелись старые держатели для факелов, а над ними темнели пятна сажи. Самых факелов не было. На долю секунды Марта почувствовала, будто хорошо знает, что там и что идти туда не следует, но тут же видение улетучилось, оставив привкус чего-то печального. Внезапно озноб пробежал по спине холодной ящеркой, Марту охватил страх, и это было удивительно, так как девушка всегда слыла отважной. Она еще крепче сжала локоть Артура и прошептала ему на ухо:

– Давай не пойдем туда. Я боюсь.

– Трусишка, – ответил тот тоже тихо. – Хорошо, не пойдем. К тому же я голоден как волк, а нас там чудесный паштет ждет.

– Ага! – обрадовалась Марта.

И они двинулись обратно, внимательно прислушиваясь ко всему вокруг, но было так тихо, что в ушах зазвенело.

Закрыв загадочную дверь на два оборота, Артур задумчиво взвесил ключ на ладони и торжественно вручил его Марте.

– На! Держи! Он твой!

Она машинально протянула руку и взяла ключ, он был еще теплый от ладони Артура. Они внимательно посмотрели друг на друга и одновременно прыснули от смеха.

– Вот я дура-а-ак! Дергал, дергал ручку весь день, а надо было просто повернуть, – от смеха Артур схватился за живот.

– Ага, наверное, и повернул, но на автомате, когда мы в левую башню шли, – заливаясь от хохота, продолжила Марта.

Ужинали они, поставив рядом зажженный фонарь, хотя света было достаточно. Испачкаться еще больше они не боялись, за весь день, исследуя замок, оба и так были то ли в побелке, то ли в пыли, непонятно, поэтому устроились прямо на полу. Марта – скрестив ноги по-турецки, Артур сел рядом. Но каждый раз, когда девушка наклонялась к импровизированному столу, чтобы намазать себе или собеседнику тост паштетом, положить кусочек сыра или ветчины, каждый раз, когда ей становилось не видно его лица, мужчина с опаской смотрел на дальнюю стену холла, где в полумраке едва угадывалась загадочная дверь.

По дороге обратно в город, где Артур заранее забронировал номер в отеле, компаньоны оживленно обсуждали, где и что будет находиться. Ну и, конечно, название гостиницы.

– Отеля, – сказал Артур.

– Что? – переспросила Марта.

– Говорю, отеля, а не гостиницы.

– А-а-а, хорошо! Предлагаю «У слона и медведя». Как тебе? Представляешь, медная табличка. С одной стороны – серебряный слон, с другой – золотой медведь, и оба держат герб, – Марта в воздухе руками изобразила размеры таблички. – Ну, герб... придумаем какой! – она фонтанировала идеями.

– А давай! «У сло-на и ме-две-дя», – попробовав на язык, нараспев произнес Артур. – Годится! Супер! Только, чур, герб выбираю я!

– Годится! – повторила Марта и чмокнула его в щеку.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– А в том зале... ну-у-у... где мы нашли вход в подвал... – сказала Марта и опять прыснула от смеха.

Артур тоже расхохотался.

– Ну... в общем... там продовольственный склад... наверное... – еле-еле успокоившись, обмахивая лицо ладонями и наконец просмеявшись, смогла произнести девушка.

– Понятное дело! Холодильников не было, а там наверняка холодно... Винный погреб! – выпалил Артур и так обрадовался своей догадке, что даже нажал на тормоз.

Марта качнулась вперед и повисла на ремне безопасности.

– Точно! Э-э-эх! Надо было пойти! – откровенно огорчилась она. Тень печали пронеслась по сердцу, но тут же покинула ее, проиграв предвкушению обретения коллекции старинных вин.

Снова заведя машину и продолжив путь, Артур сказал:

– Ничего-о-о, завтра приедем. Возьмем только фонарь помощнее и...

А у самого в висках бухало: «Проклято! Проклято!»

На следующий день они в замок не поехали. Рано утром Артуру позвонил Израэль Маркович. Написав примерно двести поручений и чмокнув Марту в щеку, Захарьев умчался в аэропорт.

Накинув халат и взяв в одну руку канapé с черной икрой, а в другую чашечку эспрессо, Марта вышла на балкон, села в плетеное кресло и, наслаждаясь гомоном приморской жизни, счастливо улыбнулась.

– Зато я знаю, куда повешу «Дракона»! – внезапно посерьезнев, медленно произнесла она.

Всю следующую неделю Марта трудилась как пчелка: звонки, переговоры, постоянное общение с Артуром по телефону, проекты, отбор, пересылка материалов на согласование – уйма дел. Иногда она даже забывала пообедать, так эти заботы поглотили ее.

Только к четвергу следующей недели начали прорисовываться четкие контуры проекта. Рабочие были отобраны и приглашены, цветовая гамма наконец выбрана, табличка с названием и гербом окончательно утверждена и уже даже отдана в исполнение мастеру – лучшему другу Израэля Марковича. Это будет его подарок отелю, он так решил. В общем, весь Аукционный дом на ушах, а Марта – на седьмом небе от счастья!

Глава 3

Это была суббота. Раннее утро. Марта сидела на краю обрыва и любовалась морем. Артур, увидев ее машину, сразу понял, где искать свою любимую. Он пересек пустырь, сел рядом и обнял. Она посмотрела ему в глаза и положила голову на плечо. Едва проснувшееся солнце лениво играло с волнами, щедро выстилая золотыми монетками дорожку к парочке на краю обрыва. Он крепко сжал ее за плечи, повернул к себе, заглянул в пронзительно зеленые глаза и нежно коснулся губами ее губ. Она обхватила его за шею, уронила на спину, оседлав сверху и удерживая крепким поцелуем. А он, охваченный страстью, не отпуская ее губ, нежно перевернув, оказался сверху.

Внезапно над склоном пронесся сильный порыв ветра. Артур поднял голову и краешком глаза заметил огромную тень, как будто нечто огромное пролетело прямо над ними. Он резко сел, обернулся вокруг, но ничего необычного не увидел, лишь в животе похолодело, словно там появился тяжелый ледяной булыжник. Даже на лбу появилась испарина. Марта распахнула глаза.

– Что случилось? – приподнявшись на локтях, спросила она.

Артур отполз от края, пот катился с его лба крупными градинами.

– Не знала, что ты боишься высоты, – внимательно и серьезно посмотрев на него, произнесла Марта.

У Артура тряслись ноги и руки, он едва поднялся на четвереньки и неуклюже сел на выжженную траву.

– Я не боюсь, но... Ты права, леденящий ужас сковал меня, – попытался улыбнуться он. – Я не знаю, что это. Мне показалось, над нами пролетел огромный орел. Нет-нет... – Артур заметил ухмылку на лице девушки. – Я серьезно. Огромный, просто огромный!

«Огромный, огромный...» – все повторял и повторял Артур, но тише и тише. Как будто что-то припоминая, он коснулся лба, склонил голову и сдавил виски одной рукой. Получился как козырек от солнца, он поднял голову и посмотрел в глаза Марте. Она спокойно смотрела на него своими зелеными глазами, в которых сейчас он утонул окончательно. Девушка подползла к нему на коленях и ткнулась лбом в грудь.

– Трусишка, мой упрямый трусишка, – снова заглянула ему в глаза. – Не буду больше целовать тебя на самом краю, – сказала она и нежно прикусила его верхнюю губу.

Он обхватил ее и упал на спину, увлекая на себя. От бывшего ужаса не осталось и следа. Вся тревога растворилась в зеленых глазах напротив.

– Я привез архитектора, – оторвавшись от сладкого поцелуя, сообщил Артур. – Он сейчас бродит по замку. Я дал ему час. Пусть осмотрится.

Марта отстранилась от любовника, села рядом и, закусив длинную травинку, хмуро посмотрела на него. Затем, переведя взгляд на море, тихо спросила:

– Ты же видел мои наброски. Они тебе не понравились?

– Конечно, понравились! – Артур приподнялся на локтях и, прищурив от яркого солнца один глаз, посмотрел на свою любимую. – Но и Клаус пусть что-нибудь нарисует. – Захарьев тоже прикусил травинку.

– Ах! Так сам Клаус приехал?! – Марта обернулась к нему, и Артур полностью погрузился в ее широко распахнутые зеленые глазницы.

Вместо ответа он притянул девушку к себе и, нежно целуя, крепко обнял. Запах вялой травы, шум прибоя, его ласковые объятия... Так хорошо ей еще никогда не было. Похоже, это продолжалось целую вечность, но и вечности с ним ей было мало, она не хотела отпускать его от себя... Счастливые, они лежали и любовались облаками.

Море искрилось бриллиантовой россыпью, день обещал быть удачным.

– Как дела, мэтр?

Клаус обернулся и увидел, как в распахнутую Артуром дверь входит Марта. Все еще поднимающееся солнце сыграло с архитектором оптическую шутку: на мгновение, когда Марта делала шаг через порог и вскинула голову, чтобы откинуть локоны и разглядеть происходящее, лишь на долю секунды, на короткий миг мелькнули две синие тени, напомнившие Клаусу кожистые крылья дракона, и его тут же озарило вдохновение.

– Есть интересные идеи? – Артур обнял Марту за плечи, и они оба восторженно уставились на мэтра, который как раз сейчас стоял на складном стульчике и еще минуту назад пытался ото-драть со свода арки второго яруса чудом сохранившуюся штукатурку.

Артур знал, что этот чертов гений ужасно капризный, не каждое место его вдохновляет, при этом он любит встречаться с местом концепта лично, без никого, без чьих-либо глаз. Поэтому, найдя Марту у обрыва, Артур обрадовался вдвойне. Во-первых, он понял, как сильно скучал по ней, а во-вторых, его коммерческая жилка возликовала, ведь шансы заполучить на этот объект профессионала существенно увеличились.

Как только Клаус вошел в замок, его посетило смутное, еле уловимое ощущение былого шика и роскоши. Обойдя лишь холл и галереи, ему удалось ухватить это чувство за самый кончик хвостика и создать в голове полную (пусть чуть смазанную) картину внутреннего убранства помещений: контрастный цвет стен, рос-пись потолка, величину люстры, ее объем и то, как преломление хрустальных висюлек должно играть с солнцем в удивительные игры.

Клаус родился гением! У него всегда было удивительное чутье видеть исходный замысел творца, а навыки художника и архитектора, вьевшиеся ему в подкорку в разных школах мира, знание истории декора и архитектуры заставили блистать этот талант с неудержимой силой. На этом он и воздвиг свою «империю». То, что он лучший, уже давно не вызывало сомнений априори. Ему нравилось, лишь изменив детали, иногда только цвет, а иногда добавив к этому несколько контрастирующих вещей, полностью поменять вид интерьера, сохранив при этом исторически ценные элементы, но представив их в «новом свете». Как ему это удавалось, всегда удивляло. Его называли «импрессионистом в архитектуре», ведь при помощи освещения и игры света в деталях он создавал настоящие чудеса. И продавал людям воплощение их мечты, а за то, чтобы поддержать мечту в руках, многие готовы были хорошо платить. Клаус знал, что он гений, и обожал, когда ему об этом говорили.

– Я берусь! – наконец произнес он.

– Что? – переспросил Артур, хотя все это время внимательно следил за магическими действиями архитектора, который продолжил изучение свода арки и стен. Однако, услышав голос Клауса, понял, что отвлекся.

Марте даже показалось, что мэтр принохивается к собственноручно отковыренным кускам штукатурки.

– Я берусь причесать твой дом. Он мне нравится.

– У меня есть пара набросков. Может, взглянешь? – сказала Марта и пристально посмотрела в лицо резко повернувшемуся Клаусу.

Продолжая перебирать пальцами кусок штукатурки, тот слез со стула, подошел ближе и тоже очень внимательно посмотрел на Марту. Пауза затянулась. Девушка опустила взгляд и стала мыском туфли разгребать ошметки упавшей штукатурки, которая устилала пол холла.

Артур притянул Марту к себе и чмокнул в щеку. Она посмотрела на любимого и перевела взгляд на Клауса. Тот все еще созерцал ее.

– Обязательно взгляну, – очень тихо и очень медленно наконец произнес Клаус.

Захарьев привык, что этот гений архитектор всегда делает только то, что хочет, причем в общении тоже. Он мог бы вообще не ответить. И то, что Клаус не просто пробурчал что-то, а согласился взглянуть на эти наброски, мужчина считал хорошим знаком. А зря! Если б Артур

хоть что-то понимал в гениях, то заподозрил бы неладное, но он разбирался только в искусстве (и при этом был совершенно счастлив), поэтому не заметил, как сердце этого франта только что перешло в полное владение Марты.

Клаус смотрел на девушку очень внимательно. Он слышал, как Артур говорил о своих планах на цвет стен, потолков, гардин, говорил о мебели, которая, по его мнению, сюда вписывается, о лифте с раздвижными решетчатыми дверцами и мальчике-лифтере в бордовой форменной ливрее. Слышал и просто смотрел на Марту, и ничего вокруг больше не имело значения. Клаус всегда делал только то, что хотел!

Уже через минуту он снова занялся изучением стен, а Марта повела своего компаньона по галерее в правую башню. Она хотела показать на месте планируемые ею изменения, но не успели они дойти до арки второго яруса, как в кармане у Артура зазвенело. Ответив на вызов, он, смешно сгорбившись, повернул назад и только у самых дверей холла, энергично жестикулируя свободной рукой, принялся рассказывать взад-вперед. Марта, к тому времени поднявшаяся на площадку второго яруса, с интересом наблюдала за Клаусом. Через какое-то время они оказались совсем рядом, и она посмотрела в его небесно-голубые глаза.

– Буду счастлив взглянуть, – сказал Клаус.

– На наброски? – прищурилась Марта.

– Именно. – И, немного помолчав, добавил: – Привозите завтра.

– Сюда? – удивилась девушка.

– Да! – Схватив складной стульчик за спинку, Клаус направился к галерее, ведущей в правую башню. – Я остаюсь, – спустя минуту донесся его приглушенный голос.

Марта подошла к краю площадки, рассматривая остатки балюстрады, и попыталась увидеть их глазами архитектора, разглядывая древесину, обнажившуюся от времени и условий, но поняла только, что это очень прочная древесина, скорее всего, дуб.

– Марта! – убирая телефон в карман, Артур сделал несколько шагов и оказался как раз напротив балюстрады. – Мне нужно срочно уехать. Подбросишь Клауса до города?

– Он собирается остаться, – оторвавшись от изучения балясин и отряхивая руки, ответила Марта.

– А-ха-ха-ха, – направляясь к выходу, расхохотался Артур. – Не затягивайте, тут темнеет очень быстро.

– Пока, – послала воздушный поцелуй Марта.

Проводив Артура взглядом, она огляделась и, убедившись, что Клаус находится довольно далеко, увлечен изучением и вообще весь в своих мыслях, направилась к маленькой резной двери, на ходу доставая ключик. Около самой двери что-то остановило ее. Поиграв ключиком между пальцами, она убрала его в карман и широкими шагами направилась к лестнице, ведущей в противоположную башню – к которой пошел Клаус. Поднялась на самый верхний уровень, присела на край подоконника и оглядела комнату. Пол здесь тоже был сильно захламлен. Куски штукатурки перемешаны с каким-то мусором, девушка даже разглядела в углу подобие узора на клочке грубой бумаги. Сознание услужливо подкинуло идею об обоях.

Марта перевела взгляд на пейзаж за окном. Он был великолепен: белые барашки пены прыгали по волнам, на безупречно голубом небе не было ни облачка, приятный бриз освежал лицо через пустые глазницы окон. Только маленькая дверца на площадке второго яруса не давала покоя.

Девушка резко поднялась на ноги, стряхивая наваждение, оглядела комнату еще раз, мысленно отмечая, где поставит перегородку, разделив помещение на кабинет и спальню, а где стол, где хорошо впишется камин, и даже для кушетки для чтения мысленно нашла подходящее место. Медленно пересекла комнату и оказалась на площадке перед винтовой лестницей. Ключик в кармане, кажется, зажил свой жизнью, она постоянно опускала руку в карман, чтобы подержать его.

Методично осмотрев все комнаты башни, автоматически отмечая, где можно устроить номера, а какие помещения подойдут для служебных нужд, девушка снова оказалась в холле между башнями, на огромной площадке, где утром увидела Клауса, и с одной стороны с маленькой дверцей, и с другой. Сердце ее забило сильнее, она почувствовала, как ноги сами несут к этой двери. Отпирая ее, Марта почувствовала, как в груди бешено колотится сердце. Оказавшись в кладовой и нащупав в кармане маленький фонарик, она направилась ко второй маленькой двери, ведущей в подвал, и опрометью устремилась по лестнице вниз. Свет от фонарика рисовал на стенах причудливые тени. Если еще кто-нибудь мог находиться здесь, то ему могло бы показаться, что эти тени вовсе не человека, а какого-то другого существа с тугими кожистыми крыльями. Марта вдруг почувствовала, как внутри у нее все перевернулось. Она поняла, что знает это место, и чем ниже спускалась, тем будто бы больше становилась. И еще она вдруг осознала, что свет фонарика ей совсем не нужен. Вступая в темноту лестничного пролета, девушка почувствовала, как бьется сердце от предвкушения большой радости.

То, что было внизу, действительно когда-то было винным погребом. Огромный длинный зал с достаточно высоким потолком мог вместить около полусотни крепких бочек, а стеллажи у стены готовы были принять целую батарею пузатых и не очень бутылок. Марта быстро пробежала через весь зал к противоположной стороне и стала ощупывать стену. Наконец ее палец провалился в углубление. Сердце снова бешено заколотилось. Девушка достала ключ, которым открыла первую дверь. Он подошел и к этому замку. Она несколько раз прокрутила его в разные стороны. Непонятное ощущение охватило Марту. Она хотела толкнуть дверь, и вдруг ей внезапно стало очень тесно в этом просторном зале, она часто задышала. На мгновение показалось, что у нее радужные круги перед глазами и земля уходит из-под ног. Было темно. Отдышавшись и крепко сжав ключ в руке, она бросилась обратно. Уже наступив на первую ступеньку каменной лестницы, почувствовала, что становится лучше. Несмотря на то что лестница была довольно крутая, в кладовую Марта вошла совершенно спокойной. И только выйдя в коридор перед галереями, поняла, что оставила фонарик в подвале.

Некоторое время мысли путались у нее в голове, ей даже казалось, что когда она спускалась в погреб и неслась по залу, то очень хорошо знала, что там, за той дальней дверью. И внезапно охвативший ужас выдал из сознания что-то очень важное. Из всех сил Марта силилась вспомнить, ухватить за хвост мимолетное ощущение, подарившее предвкушение счастья, но от этого только голова разболелась. Девушка сжала виски ладонями, свежий ветер, ворвавшийся из окон галереи, отвлек ее от этих мыслей. Она подошла к окну, чтобы надышаться влажным морским воздухом. Вдали блестели и переливались волны, игрались солнечными зайчиками, перекидывались клоками белой пены. Марта могла бы простоять тут целую вечность, но... Клаус! «Надо найти Клауса», – подумала она и, выходя из галереи, решила, что гений архитектуры не обращает внимания ни на что и ни на кого, когда увлечен.

Тем временем Клаус, вдохновленный красотой Марты, обходил замок, наслаждался простором помещений. Видения интерьеров и убранства комнат не успевали сменять друг друга. Давно он не испытывал такого восторга от предстоящей работы. Каждая новая комната открывала ему свои секреты. Он делал пометки в блокноте, расчеты, рисовал наброски. Много идей возникало в его гениальной голове. Он уже представлял себе, каким хочет видеть это место. Предвкушение полного погружения в волшебный мир красоты наполнило его сердце детской радостью. Клаус не заметил, как пролетел день.

Когда Марта покидала галерею, сумерки уже заявили о своих правах. Гения архитектуры она нашла в самой верхней комнате замка. Он сидел на полу, скрестив ноги, оперев подбородок на сложенные ладони, локти упирались в согнутые колени. Глаза открыты, но было понятно, что он путешествует в мыслях.

– Мэтр! Пора ехать, – выдержав паузу, позвала Марта.

Минут через пять Клаус повернул голову в ее сторону и внимательно посмотрел на нее. Она стояла в дверном проеме, и свет из окна освещал только половину девушки. Бурное воображение гения, вспыхнув на минуту, дорисовало другую половину – темный силуэт грациозного хищника.

– Я не могу тебя здесь оставить. Ты слишком дорог, – сделала Марта еще одну попытку и улыбнулась.

Клаус наклонился над блокнотом и добавил несколько записей. Сгущавшиеся сумерки его не смущали.

– Для нас уже барашка жарят. Артур заказал на вечер столик в «Буржуе». Ты пробовал барашка, приготовленного Полем? – Поверх головы архитектора Марта смотрела на море. Из этого окна оно казалось особенно прекрасным.

Как и все гении, Клаус хотел есть только тогда, когда говорили о еде. Он медленно встал и отряхнул руки. Проследив за взглядом Марты, тоже посмотрел на море. Представляемый аромат жареного барашка (а Клаус знал, как готовит Поль) вытеснил из его гениальной головы мысли о цветовой гамме стен и узоре паркета. Вместо этого в воображении уже стоял улыбающийся Поль и протягивал ему белоснежную тарелку с соте из барашка с баклажанами. Клаус посмотрел на Марту и развел руками.

Она обратила внимание, какая удивительно красивая у него улыбка. Вместо холодного чванливого сухаря, пусть даже гения, перед ней стоял простой растерянный парень. Веселые искорки в его глазах уничтожили ледяную холодность, Марте даже показалось, что цвет его глаз изменился. Однако она не была в этом уверена, в сумерках может померещиться что угодно.

– Спускаемся? – улыбнулась она.

– Спускаемся, – отозвался мэтр и припустил к выходу. Он ловко обогнал девушку в дверном проеме и поспешил к лестнице.

Марта едва поспевала, удивляясь, как легко он сбегает по ступенькам. Ей показалось, что это вовсе не Клаус. Энергичная пробежка этого человека очень отличалась от неспешности величественно и спокойно на все взирающего гения архитектуры. «Неужели барашек Поля творит такие перемены в людях?» – подумала Марта. Но этот «простой парень», умеющий ТАК улыбаться, нравился ей больше холодного мэтра, соизволившего взглянуть на ее наброски.

Пока она закрывала двери замка, Клаус прогуливался по дорожке перед лестницей, держа руки в карманах и пиная остатки прошлогодней листвы. И это никак не увязывалось со свойственной Клаусу степенностью.

Марте не удавалось хорошенько навалиться на створку двери, чтобы провернуть ключ последний раз, и между попытками она краем глаза наблюдала за мужчиной. Ворот расстегнут, на рукаве пиджака пятна от штукатурки, мыски ботинок превратились в «сплошное безобразие». Этот человек лишь внешне напоминал мэтра, который сегодня изучал замок. Хотя девушка лишь по рассказам знала, что архитектор педант, вполне возможно, это лишь слухи. Она невольно подернула плечами в тон своим мыслям, положила ключ в сумочку, наконец-то справившись со своей задачей, и, спустившись по ступенькам, устремила к месту, где оставила машину. Клаус поспешил за ней.

Возле стоянки Марта на мгновение остановилась и обернулась, чтобы посмотреть на замок в сгущавшихся сумерках. Ей очень нравился фасад этого здания, она так и любовалась им. Доставая ключ от машины, она посмотрела на свой роскошный кабриолет, сделала пару шагов и замерла. Клаус с ходу, не открывая дверцы, ловко запрыгнул на пассажирское сиденье. Пока Марта огибала капот, усаживалась на свое место и нажимала на педаль акселератора, он уже успел прикурить и теперь вальяжно стряхивал пепел.

Солнце почти скрылось за скалой, резко похолодало. Над ними пронеслась темно-синяя тень. Машина выехала на дорогу и начала набирать скорость. Ветер усилился. Клаус судорожно сжегился от холода, его пальцы неловко распрямились, сигарета полетела на обочину.

– Какого черта? – холодно посмотрел он на Марту. От улыбчивого парня в этом человеке не осталось и следа.

– Вечереет. – Приподняла бровь девушка и прибавила скорость.

Клаус показался ей растерянным, как будто не понимал, что тут делает.

– Всё в порядке, мэтр? – спросила она.

– Да, – неуверенно ответил тот.

Девушке даже показалось, что он с трудом разомкнул сильно сжатые челюсти. Острый приступ тоски сжал ее сердце. В тот момент ей очень захотелось еще раз увидеть его обаятельную улыбку, и она подумала, что, может, упоминание о стряпне Поля подействует еще раз и вернет хорошее настроение этому «айсбергу».

– Клаус, ты ел где-нибудь барашка, вкуснее чем у Поля? – не поворачивая головы, спросила Марта.

И, надо отметить, хитрость сработала, упоминание о барашке и Поле в одном предложении волшебным образом извлекло из недр ледяных глаз Клауса апельсиновые искорки восторга.

– О да! – Архитектор умудрился усесться вполоборота к водителю и всю оставшуюся часть пути не умолкал о кулинарных шедеврах, которые ему довелось попробовать, в том числе о творениях Поля, попутно освещая пространство вокруг себя обворожительной улыбкой.

Марта смотрела на дорогу и улыбалась лишь уголками губ. Почему-то ей было очень хорошо рядом с этим, именно с этим улыбчивым Клаусом.

Она вспомнила, как недавно Артур рассказывал еще об одном своем проекте – «Перламутровой раковине». Он обожал хорошо поесть, поэтому открытие ресторана на набережной было неизбежно. Предполагалось, что интерьеры обеденных залов будут розовыми, но у Клауса на этот счет оказалось другое мнение. Артур хохоча вспоминал, как они с ним сорок минут, стоя посередине будущего главного обеденного зала, уперев «руки в боки», пристально смотрели друг на друга. Надо ли говорить, что Клаус одержал верх в этом споре. Артур первый отвел взгляд и заговорил о гардинах. Да, леденящий взгляд синих глаз Клауса трудно и пять минут выдержать. А уж сорок... Артур собой гордился.

Ресторан пока не открылся. А он мечтает заполучить себе лучшего повара всего побережья, и поэтому почти каждый день ужинает в «Буржуе». Зная его настойчивость, можно с уверенностью сказать, что на открытии «Перламутровой раковины» именно Поль будет скромно стоять у дверей кухни, приветливо улыбаясь гостям. Но Марта знала лучшее место для повара-профессионала. Когда откроется отель, его лучшим сокровищем будет Поль, и только там горожане будут отмечать ВСЕ свои торжества.

Когда Марта с Клаусом наконец добрались до «Буржуя», на улицах уже зажглись фонари. На парковке к ним подбежал администратор Олег. Он встретил их, широко улыбаясь. Вечер выдался теплым, гостей собралось много, с открытых веранд разносился веселый смех дружеских застолий. Сопровождая немного утомленных путников, Олег сообщил: Артур еще днем, когда обедал, предупредил, что вечером его не будет, но столик попросил оставить тот же. Марту это обрадовало, она любила сидеть за этим столиком, оттуда было видно, а ночью слышно море, и именно это кресло ей очень нравилось. Она машинально посмотрела на телефон и увидела пять сообщений от любимого. Бегло просмотрев их, девушка едва заметно улыбнулась. Помимо того что он срочно вылетает в Москву, Артур намекнул, что ее дражайшая в прямом и переносном смысле картина уже едет. Марта решила, что это надо непременно отпраздновать.

Ей было откровенно хорошо. Впечатления от съеденного с удовольствием барашка зашкаливали. В этот раз шедевр Поля оказался выше всяких похвал. Шардоне 1913 года (так было указано на этикетке) года пришлось ей по вкусу, и теперь она искренне смеялась над остроумными рассказами Клауса, у которого от вина порозовели щеки. Истории становились все интересней и веселее.

Из открытого окна веяло приятным ароматом цветов, шум моря элегантно вписывался в музыкальное оформление зала, все было чудесно. Только перед мысленным взором Марты время от времени возникал образ девушки с ее картины, но с одним отличием: теперь, скрестив руки на груди, девушка озадаченно, слегка приподняв одну бровь, смотрела на нее.

Глава 4

Прежде чем открыть глаза, Клаус сладко потянулся. «Сто лет так не высыпался, – подумал он и протянул руку к прикроватной тумбочке, чтобы взять телефон. – Я что, вчера напился?» – снова подумал он, все еще шаря рукой по поверхности и мысленно возвращаясь к событиям накануне.

Первое, что он вспомнил, – ее глаза. Также вспомнил, как сразу утонул в них. Сладостная истома сжала сердце. Поскольку телефон он не нащупал, пришлось открыть глаза. Вчерашние события прокатились по хребту мышинным страхом. Клаус со стоном прикрыл глаза ладонью, пот крупными бусинами усыпал лоб. Он никак не мог заставить себя повернуть голову к НЕЙ, чтобы констатировать очевидное!

– Гюнтер, – сквозь зубы еле выдавил из себя Клаус, – ненавижу тебя, ненавижу себя, – шипя, как змей, он тихо сполз с кровати, почти на корточках подкрался к окну и немного отодвинул тяжелую штору.

Светало. Клаус быстро нашел телефон (они с Гюнтером давно договорились, что и куда складывать), собрал в охапку вещи с пола. Ему попалась блузка Марты – он уткнулся в нее, и ее аромат накрыл волной блаженства. Перед глазами опять возник ее облик: она улыбалась и манила его к себе. Клаус аккуратно повесил блузку на спинку шикарного кресла – номер Марты поразил его роскошью. Мужчина стряхнул с себя наваждение и, сжав в руке свою одежду, прошмыгнул в ванную.

– Гюнтер, как ты посмел? Ненавижу тебя! – омывая лицо ледяной водой, шептал Клаус.

В какой-то момент ему показалось, что его трясет от злости. Невероятным усилием он приказал себе остановиться, поглядел в льдинки глаз отразившегося в зеркале и окончательно успокоился.

Выйдя из ванной, обнаружил, что Марта все еще спит. Розовые лучи, врывающиеся в узкую щель отодвинутой им шторы, яркой полоской выделяли драпировку стены и часть шкафа. Он подошел к девушке, наклонился, вдохнул аромат ее волос, нежно пригладил непослушный локон. Мужчина улыбался. Такое случалось крайне редко. Если бы не одно НО. Клаус мог бы подумать, что в это мгновение он счастлив, НО... но... но ночью с ней был не ОН, а Гюнтер. Поэтому Клаус, как вор, бесшумно подойдя к двери, оглянулся. Сердце его сжалось. Ему хотелось упасть на колени возле ее постели и терпеливо ждать, когда она проснется. Но он не мог. Не мог позволить себе проговориться о Гюнтере.

Клаус обожал чаек и часами стоял на крутом склоне недалеко от гнездовья птиц, смотрел на взлеты и падения. Падения лишь для того, чтобы взмыть с добычей. Клаус считал, что это пример для жизни. Каждое падение следует заканчивать добычей.

Часто он приходил туда, на место своего уединения, с большой булкой, корочку объедал, а мякиш выщипывал и бросал вверх. Ему нравилось смотреть, как птицы на излете ловко подхватывают угощение. Вот и сейчас Клаус стоял над обрывом и с яростью швырял куски хлеба в пропасть. Чайки на лету хватали добычу, резко меняя свое направление. Но сегодня мужчину не радовали птицы, он пришел сюда поговорить с Гюнтером.

Он узнал о нем в шесть лет, а осознал всю трагедию их сосуществования в тринадцать, когда впервые влюбился. И Гюнтер тоже. В подружку его Ольги. И переспал с ней. Вот и сейчас... Клаус невольно улыбнулся, произнося ее имя: «Марта!» На мгновение жизнь осветилась радужными переливами.

Гюнтер молчал. Наблюдал за чайками и молчал. Но не раскаивался, он так жил. Клаус, можно сказать, привык к проделкам своего доппельгангера¹. Не раз ему приходилось быстро

¹ Доппельгангер (нем. Doppelgänger – «двойник») – термин в литературе, обозначающий двойника человека, проявляю-

смаываться. Именно так сложился непреложный, переросший в железное правило договор о том, куда складывать вещи и как увивать.

Но только не сейчас, сейчас они оба – обе личности этого мужчины – понимали, что жизнь по прежним правилам закончилась. И надо что-то делать, потому что без Марты Клаус жизни не мыслил.

Проснувшись и не обнаружив Клауса в номере, она криво усмехнулась: «Так и знала». Слишком уж развязным показался ей этот мужчина, слишком не похожим на человека, которого она увидела на балконе замка. Лед тех стальных глаз... «И, пожалуй, хорошо что он сбежал», – кисло улынувшись нахлынувшей тоске, подумала девушка. Она начала набирать номер портье, чтобы заказать завтрак.

Прохладный душ смыл неприятный осадок от пробуждения. Завтрак уже принесли и, как обычно, подали на столике на балконе. Девушка налила себе чашечку кофе и принялась с аппетитом поглощать яичницу с ветчиной. Ей нравилось во время завтрака наблюдать ленивое течение жизни городка.

Подливая кофе и глядя на площадь перед гостиницей, Марта мысленно вернулась в тот момент, когда увидела Клауса в замке. Вспомнилась его высокая фигура, озаряемая лучами солнца через проемы многочисленных окон, то, как он смотрел на нее, его бесконечно голубые глаза...

Допив кофе, девушка постаралась отогнать мысли о Клаусе, успокоив себя знаменитой фразой «я подумаю об этом завтра», и переключилась на занимавшую ее потерю. Каждый раз, когда посещала подвал, она хорошо помнила лишь возвращение по ступенькам вверх и не могла вспомнить точно, что там делала. И время... Куда девалось несколько часов, Марта не знала. Как отрубил.

От этих мыслей жуткий холодок пробежал по ее спине. Девушке показалось, что она вот-вот ухватит за хвост суть этой пропажи, но... внезапный телефонный звонок выдернул ее из раздумий.

– Утро доброе, птичка моя! – это Артур тараторил как сорока. – Сегодня не вернусь и завтра не смогу. Быть может, через неделю. Тут такое случилось, такое случилось!.. Ну ладно, потом расскажу. Главное, будь в замке. Клауса не отвлекай, пусть творит. Возможно, уже завтра приедут мастера. Остаешься на хозяйстве. Целую нежно. – И, издав звук поцелуя, отключился.

Не успела Марта отложить телефон, как снова прозвучал звонок. Насчет кафельной плитки. Она договаривалась, чтобы прислали образцы. Потом позвонили по поводу количества сухих смесей для цемента, затем из салона штор насчет портьер и ткани для стен – в общем, закрутилось. Прижимая телефон к уху, Марта одевалась, сбегала по лестнице, ездила по городу, ловко выворачивая руль на узких улочках и попутно бросая «Куда смотришь!» и «Ну, проезжай же уже!» или что-то похожее. Только добравшись до салона или магазина, она выключала телефон, чтобы не менее эмоционально провести переговоры и получить то, что ей нужно. Денек оказался горячим, впрочем, таких в последнее время было много.

Может, даже и хорошо, что неотложные дела, бесконечные переговоры и практически нерешаемые задачи затянули Марту как снежный ком. Так она могла совсем не думать о Клаусе. О том улыбчивом Клаусе с апельсиновыми искорками в глазах. Она боялась себе признаться, что это больше, чем симпатия. Гораздо больше. Его улыбка то и дело возникала перед глазами. Если бы у нее оставались силы, то, опуская голову на подушку перед сном, она бы, наверное, плакала. С каждым днем в ее душе росла стена обиды, все выше и выше. Его нет рядом. Почему? Он боится? Зато черствеющее сердце помогало ей торговаться и снижать цены буквально на все материалы. Ее невозможно было разжалобить или уговорить. Она была невозмутима, как дракон на той картине.

Когда Марта вернулась в замок, было уже далеко за полдень. Подходя к парадному входу быстрым шагом и на ходу доставая ключи, она не заметила сидевшего на камне, некогда служившем бордюрным, прямо напротив ступеней, Клауса. Он сухо поздоровался. Марта взглянула на него и обомлела: он выглядел таким же серым, как камень, на котором сидел.

– У меня проблема, – сказал он, поднимаясь и выкидывая сигарету.

– У нас проблема, – отреагировала Марта, повернувшись к нему спиной и вставляя ключ в скважину.

– Что? – Клаус сделал несколько шагов к ступеням.

– Ты хотел сказать, у нас проблема? – Марта повернула к нему голову, наваливаясь на створку двери.

– Ты должна меня выслушать, – доставая новую сигарету, продолжил мужчина. – Обещай не перебивать. – Он уставился на девушку льдинками своих глаз.

Распахнув двери и убирая ключ обратно в сумочку, на мгновение повернувшись к нему, Марта шагнула в дом.

– Пошли, – буркнула она сердито.

Отбросив едва прикуренную сигарету и собрав остатки воли в кулак, Клаус вошел следом. Совершенно поникший, даже слегка посеревший, он, не смея поднять головы, плелся за девушкой, которая сейчас отдаленно напоминала хищную гарпию. Проигнорировав шикарный лифт – сплав чуда инженерной мысли и гениального дизайна (его доставили накануне), она направилась к ступеням каменной лестницы правой башни, в верхнем ярусе которой располагался ее кабинет. Подъем по лестницам ее успокаивал. Когда шагаешь по узкому винтовому проходу, а позади послушно плетется жалкое подобие мужчины – мужчины, которого ты боготворила, мужчины, про которого ты думала, что он твой, мужчины, талант которого так велик, что перед ним заискивают английские герцоги, – пожар в твоём сердце, еще минуту назад готовый испепелить всякого, кто попадется на пути, с каждой ступенькой постепенно гаснет, и на его месте возникает сливочный зефир радужных надежд.

Нет! Она так больше не могла! Не дойдя одной ступеньки до площадки верхнего яруса, Марта замерла и резко повернулась к Клаусу. Он тоже остановился и, не поднимая головы, тяжело уселся на ступеньку рядом с ней:

– Мы должны поговорить.

– Я... – набрав полную грудь воздуха, едва успела произнести девушка.

– Подожди, – мужчина у ее ног поднял руку. – Это очень долгий разговор. Давай зайдем в кабинет. – Тяжело опершись на ступеньку, он умоляюще посмотрел на Марту.

– Как пожелаешь! – Она направилась к кабинету.

Возле самой двери замедлила шаг и, повернув голову, посмотрела на Клауса. Это был не Клаус, это был тот самый мужчина, с которым она ужинала в «Буржуе» и в которого влюбилась по уши. Теперь она видела это отчетливо, но никак не могла в это поверить.

Все еще понурый, он тяжело поднялся на ноги, посмотрел на нее исподлобья, уверенно направился в кабинет, но остановился в дверях. Сейчас это был Гюнтер. Марта неторопливо наливала в гленкерны виски, бросала лед и краем глаза смотрела на него.

Гюнтер оперся плечом о косяк. Девушке показалось, что в его глазах заиграли апельсиновые искорки. Она подошла к нему и протянула бокал, внимательно и спокойно посмотрела ему в глаза минуты две или три, развернулась и направилась к креслу у камина. Камин был холодный, пепел и угли не убраны. Марта с ногами забралась в кресло. Ей захотелось укрыться пледом, но он лежал на тахте у окна, а ей лень было вставать.

– Меня зовут Гюнтер, – наконец произнес он.

Девушка вдруг поняла, что даже голос его она любит, и он не похож на голос Клауса.

Широкими шагами он подошел к окну, взял плед с тахты, подошел к Марте и нежно укутал ее. Встал перед ней на колени, поставил свой бокал на столик, взял ее за руку и заглянул

прямо в душу. Она смотрела на него и не понимала, что сейчас делать. Все это время, пока он трусливо прятался от нее за скучными общими фразами по телефону и не совал носа в замок, девушка всей душой желала увидеть его. Просто увидеть. Хоть ненадолго. Хоть изда-лека. Погладить его непослушную челку, поддержать его за руку, прижаться к щеке. Потом она даже запретила себе думать о нем. И вот теперь он явился как тень и, как побитая собака, скулит у ее ног.

Она была ошарашена.

– Почему Гюнтер, Клаус? – тихо спросила Марта, глядя в его замечательные глаза, хотя где-то в глубине души уже знала ответ, чувствовала, что перед ней совсем другой человек.

И в ту самую минуту она увидела невозможное. Глаза, в которые смотрела сейчас Марта, – эти любимые искорки – стали меняться: огоньки пропали, ледяная лазурь вмиг вымо-розила ей душу.

– Гюнтер и я – это мы, – сухо усмехнулся мужчина, стоявший перед ней на коленях.

И она увидела, как лед в его глазах тает и лазурь уступает место игривым огонькам.

– Да, я такой, – заявил Гюнтер и уткнулся в колени девушки.

Марта залпом выпила свой виски и поняла, что этого мало. Она попыталась что-то ска-зать, даже пошевелила губами, но не смогла проронить ни звука. Гюнтер молча отдал ей свой бокал, она выпила и его. Поставив опустевший бокал на столик, запустила пальцы в шевелюру мужчины, крепко сжимающего ее колени.

– Значит, Гюнтер, – резко осипшим голосом еле выговорила она.

– Гюнтер! – Он поднял голову и посмотрел на нее.

Огоньки его глаз показались настоящим волшебством, потому что обида, гнев и даже разочарование во всем роде мужском, строившие стену безразличия в ее сердце все это время, враз испарились, не оставив даже строительного мусора. Она обхватила его за шею, притянула к себе, поцеловала нежно-нежно и почти жалобно произнесла:

– Я скучала по тебе.

– Я тебя люблю! – Гюнтер вскочил, подхватил Марту на руки и закружил с ней по каби-нету, окончательно убедившись, что предполагаемая гроза рассеялась и солнце счастливой надежды заулыбалось ему. С ногами посадив ее на шикарный письменный стол, покрытый зеленым сукном, он уперся руками в край стола и посмотрел на нее неожиданно серьезно. – Мы оба тебя любим! Сильно.

Марте даже показалось, что глаза Гюнтера стали глазами Клауса.

– Клаус, я люблю Гюнтера, – собрав все свое мужество в кулак и насупившись, заявила она.

– Что мне делать? – наклонившись к ней и нежно целуя в губы, спросил Гюнтер.

– Живи здесь, – ответила Марта и, крепче притянув его к себе, наконец страстно поце-ловала.

Письменные приборы, бумаги – все, что было на столе, – полетело прочь. О Клаусе они оба быстро забыли...

Глава 5

– Клаус все-таки гений, – наконец произнес Артур. – Кстати, где он?

Хозяин два с половиной часа ходил по замку и придирчиво осматривал получившееся произведение. Каждая комната, каждое помещение, даже крошечные каморки – все удостоилось пристального внимания компаньона Марты. Он восхищался снова и снова. Каждая новая комната, элементы отделки галерей и лестниц, лифты, сочетание мебели и декора – все вызвало неподдельный восторг на лице этого знатока и подлинного ценителя прекрасного. В душе Артур ликовал, он был горд иметь эту жемчужину в своей коллекции шедевров! Ему нравился этот отель. Очень! Но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.